

НОВЫЙ ИЛИ «ВЕЧНЫЙ» ГОРЬКИЙ? О ПРОБЛЕМАХ РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ¹

Исходным пунктом моих размышлений о проблемах реинтерпретации Горького должна служить публикация недавнего времени, которая только на первый взгляд уводит в сторону от нашей темы. Имеется в виду статья известного представителя российской и международной русистики А. Жолковского, опубликованная в журнале «Новое литературное обозрение» (1998), которая озаглавлена «К переосмыслению канона: советские классики-нонконформисты в постсоветской перспективе»². В центре внимания исследователя три автора, которые, по его словам, «принадлежат к бесспорной литературной классике своего времени» (с. 68): А. Ахматова, Б. Пастернак и М. Зощенко.

Имя Горького в статье только бегло упоминается. Тем не менее предложенная Жолковским концепция и для горьковедения представляет несомненный интерес. Знакомясь с ней, мы приходим к выводу, что интенсивные искания «нового», «неизвестного», «целостного» или «вечного» Горького, проходящие в российском и заграничном литературоведении за последние полтора десятка лет, являются частью большого и многопланового процесса переосмысления канона всей русской литературы XX и в немалой мере и XIX в. Оказывается, что процесс переосмысления и выявления новых ценностных ориентиров не останавливается и перед кажущимся незыблемым авторитетом названных нонконформистов-классиков. По признаку близости или отдаленности от советской государственной идеологии переоценка нонконформистов и переоценка Горького проходят как будто на противоположных концах соответствующей шкалы. Тем более поразительны некоторые немаловажные совпадения структурного, методического и отчасти и содержательного порядка, которые выявляются при сопоставлении этих концепций. Моя задача обсудить хотя бы некоторые из этих общих проблем переосмысления канона. Вместе с тем в такой перспективе сопоставления отчетливо выступает ряд специальных вопросов, которые связаны с особенностями личности и творчества Горького и поэтому встречаются исключительно в области горьковедения. Для лучшего понимания проблемы позволю себе сначала немного подробнее изложить тезисы названной статьи.

Автор в первой части указывает на то, что текущий процесс переосмысления канона русской литературы отнюдь не начинается только с конца советского периода, а примерно со времени смерти Сталина. За промежуток времени с пятидесятых годов до начала перестройки в канон вернулся целый массив более или менее запрещенных или нежелательных литературных произведений и литературоведческих концепций, начиная с творчества Пушкина и русской классики, продолжая наследием Серебряного века, литературы эмиграции и авангарда двадцатых годов и кончая сенсационными публикациями «антисоветских» произведений «Архипелаг Гулаг», «Доктор Живаго», «Чевенгур» и др.

Большая часть этой литературы приобрела еще в советское время культовый статус, творчество Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Булгакова и других служило своего рода мостом в мир духовных традиций дореволюционной русской культуры. Перелом восьмидесятых годов не мог повредить их высокой репутации и, может быть, даже способствовал ее повышению. Зато авторитеты закончившейся советской культуры были подвержены более или менее жесткой демифологизации, в первую очередь, конечно, ведущие репрезентанты социалистического реализма, Горький, Маяковский и Шолохов, но не только они. Исследователь подчеркивает интересный факт, что под волну ревизий и

¹ Впервые: Максим Горький и литературные искания XX столетия. Горьковские чтения — 2002. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 22–34.

² Жолковский А. К. К переосмыслению канона: советские классики-нонконформисты в постсоветской перспективе // НЛО. 1998. № 29. С. 55–68. В дальнейшем страницы этой работы даются в тексте.

обвинений попали даже ранее «спорные» и полузапретные авторы, как Ильф и Петров, которым критика инкриминировала «советизм» и коллаборационизм. Решающим фактором для таких критических оценок была принадлежность автора к советскому канону, с которым либеральная часть интеллигенции хотела как можно скорее разлучиться. По мнению Жолковского, радикализм такого типа в последние годы заметно поутих и уступил место более спокойному и трезвому взгляду на вещи. В связи с этим ему кажется целесообразным приступить к реинтерпретации всех писателей, включая тех, кто до сих пор, казалось бы, находился полностью вне этого процесса, т.е. и классиков-нонконформистов, в частности, Ахматову, Пастернака и Зощенко.

Цель этой операции уверить нас, что расстояние между господствующей культурой и внутренним миром названных писателей не так велико, как это кажется их почитателям. Исследователь отнюдь не оспаривает тот факт, что эти авторы заслужили наименование нонконформистов, что они в рамках возможного мужественно отстаивали свою творческую независимость и свое личное достоинство, и именно поэтому поистине глубоко отобразили свою эпоху. Но в отличие от многих поклонников их творчества он считает, что глубина эта состоит «не в каком-то чудесным образом обретенном ими незамутненно-объективном критическом взгляде на советскую жизнь, а, напротив, в их теснейшей до обидного причастности к ней, ее страхам, соблазнам и стратегиям» (с. 68). Когда автор в связи с этим превращает своих «нонконформистских классиков» в «полунонконформистских», когда он говорит о близости их самопрезентации к ментальности *homo sovieticus*, то может показаться, что его аргументацией движет г.о. полемика или излишняя оригинальность. Между тем Жолковский не без основания заявляет, что целью предпринятой реинтерпретации этих авторов было отнюдь не их «развенчание», а попытка точнее, чем в принятых трактовках, указать место каждого из этих авторов в истории литературы, дать посредством реинтерпретации что-то вроде всеохватывающей «вечной» репутации. В других местах он называет это центральное искомое «экзистенциальным нервом пастернаковского дискурса» (с. 62) или «скрытой доминантой ахматовской личности» (с. 66). В таких претензиях на окончательную истину состоит, конечно, известная уязвимость концепции, но само содержание изложенных в статье трех писательских портретов не лишено убедительности. Интеллектуальным инструментарием при этом служат помимо художественного творчества и разного рода биографических фактов и гипотетические результаты психоаналитических исследований, в частности, детские травмы, подавление личности в семье и т.п. На таком материале, смешанном из фактов и гипотез, ученый «примеряет» каждому из названных авторов свою реинтерпретацию.

В случае Зощенко «экзистенциальная суть» мироощущения писателя оказывается «сводимой к страху перед непрочностью существования, недоверчивым поискам защиты от опасностей и жажде покоя и порядка» (с. 59). «В его знаменитом сказе можно тогда увидеть амбивалентное — ненадежное и прячущееся от опознания — повествование сомневающегося рассказчика о ненадежном мире». Такой же амбивалентностью отличается, по мнению исследователя, и отношение писателя к советской власти, которая представляет для него угрозу его независимости и одновременно является воплощением желанных порядка и покоя.

У Пастернака Жолковский вскрывает «глубокий инвариант “преувеличенного породнения”» (с. 63), т.е. стремление быть причастным «к некому органическому, «семейному» целому, возглавляемому авторитетной отцовской фигурой» при одновременном стремлении «незаурядной личности выделиться, отличиться, отвергнуть давление среды и авторитетов». Первая часть этой оппозиции, стремление к породнению, выражается в характерном для пастернаковской поэзии «братательном» взгляде на мир и приводит его к породнению не только с «жизнью», но и «с русской почвой, социализмом и Сталиным» (который в известном стихотворении изображается кем-то вроде старшего двойника поэта).

Немного по-другому представлена личность Ахматовой. Ее уступки советской идеологии минимальны. «Однако и Ахматова не избежала всепроникающего влияния времени» (с. 66), утверждает исследователь. Скрытой доминантой ахматовской личности была, по его определению, «последовательная «женская» стратегия обретения силы через слабость» (с. 65). «Установка на неуязвимость, непроницаемость и полный контроль над собой и своим окружением» осуществлялись, по мнению исследователя, «при помощи и под прикрытием манипулятивной — самопрезентационной — игры в хрупкость, жертвенность <...> отказ от страстей и индивидуальности, растворение в массе <...>». Именно благодаря этому, по-своему героическому образу, Ахматова стала «великим советским поэтом» (с. 67) в том смысле, что она дала своим читателям-современникам идеальный прототип для самоотжествления, т.е. «облагороженный и деидеологизированный, но тем не менее узнаваемый образ “настоящего” советского человека» (с. 66).

Не исключено, что эти интерпретации, которые здесь должны были быть представлены в сокращенном виде, вызывают у многих читателей и почитателей названных авторов не согласие, а скорее недоумение или даже чувство оскорбления. Обсуждать правомерность такой реакции здесь не место, но в рамках нашей темы дело не в отдельных тезисах процитированной концепции, а скорее в ее пригодности как методической модели интерпретации.

Каково отношение этой модели к проблемам и методам нынешней научной работы о Горьком? Бросается в глаза тот факт, что при всей разности как методических подходов, так и исследуемого материала в обеих областях, по существу, проводится одна и та же работа, которая в заглавии статьи недвусмысленно указана: переосмысление канона в постсоветской перспективе. К сожалению, нужно констатировать, что представители того направления международной славистики, которое здесь представлено в лице Жолковского, пока мало интересуются Горьким и, с другой стороны, в работах горьковедов уделяется мало внимания результатам этого направления.

Попытаюсь пояснить, в чем состоят проблемы указанной общей задачи и ее возможных решений. Опираясь на результаты горьковедческих работ последних лет, хотелось бы ограничиться обсуждением трех тем: 1. Актуальный этап дискуссии о Горьком; 2. Проблема деполитизации трактовок Горького; 3. Искания «единого» или «целостного» Горького.

1. Актуальный этап дискуссии

Можно сказать, что ситуация дискуссии о Горьком изменилась к лучшему. Шумные атаки на «буревестника» конца восьмидесятых годов заметно поутихли, настало время для более трезвого взгляда на личность и творчество писателя. В этой оценке сходятся и авторы двух небольших публикаций последних лет по этой теме. Неслучайно в заглавиях обеих работ появляется понятие канона. Речь идет о статье В. П. Муромского «Все дальше от канона (новые труды о Горьком)»³ в журнале «Русская литература» (1997) и статье немецкой исследовательницы Е. Имендерффер «Деканонизация. Рецепция Горького в России с 1987 года» (2000)⁴ в сборнике статей под общей темой «Тенденции в русской культуре сегодня». В обеих статьях авторы по-своему продолжают работу, проведенную в обзорных статьях Л. Спиридоновой⁵ и М. Никё⁶, опубликованных в журнале *Revue des Etudes slaves* (1996). В новых работах подтверждается оценка предшественников, что авторитет Горького устоял перед попытками «вычеркнуть»

³ Муромский В. П. Все дальше от канона (новые труды о Горьком) // Русская литература. 1997. № 1. С. 250–256.

⁴ Imendörffer H. Eine Dekanonisierung. Die russische Gor'kij-Rezeption seit 1987 // E. Cheauré (Hrsg.) Kunstmarkt und Kanonbildung. Tendenzen in der russischen Kultur heute (Osteuropaforschung, 42). Berlin, 2000. S. 67–86.

⁵ Спиридонова Л. А. Литература о Горьком 1986–1996 // *Revue des Etudes slaves*. 1996. LXVIII/4. P. 554–560.

⁶ Niqueux M. Le renouvellement des études sur Gor'kij (1986–1996) // *Revue des Etudes slaves*. 1996. LXVIII/4. P. 541–553.

писателя, т.е. исключить его из канона русской литературы. Муромский констатирует: «Горький был и остается в русской литературе величиной первостепенной»⁷. Имендерффер высказывается по этому поводу более сдержанно. На вопрос, потерял ли объект исследования после демифологизации Горького свой интерес и должен ли он быть предан забвению, она отвечает отрицательно, но с оговоркой: процесс «деканонизации» продолжается и попытки восстановить его репутацию проходят пока без участия широких кругов читателей. Подобные опасения были высказаны и в статье Нике. Особого внимания заслуживает определение понятия «деканонизация», приведенное в статье Имендерффер из международной дискуссии о каноне. Деканонизация обозначает возвращение в исторический контекст, так как предшествующая «канонизация» равнозначна выведению предмета из исторического времени и перемещению его в надисторическую сферу мифа. Судьба Горького представляется образцовым случаем обоих феноменов. В тридцатые годы Горький как конкретная личность постепенно исчезал из поля зрения всемирной общественности, сегодня именно это потерянное лицо в процессе опубликования все новых материалов также постепенно возвращается. Самыми актуальными задачами горьковедения в названных статьях отмечены опубликование и обсуждение материала двух комплексов, в которых отражается продолжающееся значение политических аспектов и тем самым и политических пристрастий в процессе осмысления горьковского наследия: один из них переписка Горького и Сталина, другой — возвращение воспоминаний авторов русской эмиграции в дискуссию о Горьком.

Реакций на опубликование переписки Горького и Сталина в журналах «Новый мир»⁸ и «Новое литературное обозрение»⁹ в названных статьях не содержится, так как статьи появились до этих публикаций. Описание и обсуждение этих реакций, особенно на статью «Великий гуманист» автора публикации и комментария переписки Горького и Сталина Т. Дубинской-Джалиловой¹⁰ в журнале «Новое литературное обозрение» 1999 г. — дело будущих обзоров, в которых эти публикации, по всей вероятности, будут отмечены как событие в истории горьковедения.

Возможность ознакомления с этим материалом окончательно опровергнула и обессилила, на мой взгляд, все уже заранее высказанные защитные аргументы в пользу Горького. Необходимость ясного и однозначного решения в этом деле оправдывает даже известную односторонность и полемичность названной статьи, которая, по-видимому, была конципирована как «ответ защитникам Горького». Основной тезис этой статьи состоит в том, что Горький как лояльный сотрудник «совместно со Сталиным формировал систему советской культуры»¹¹, т.е. систему, которая в данной ситуации не могла не быть «сталинской», и что гуманизм, который Горький в своих статьях провозглашал, был «сталинским». Оспорить справедливость этого суждения, по моему убеждению, невозможно. Все как бы оправдательные аргументы, как помощь писателям, нелюбовь к Сталину и его сообщникам и другие, входят как важный и интересный материал в образ личности писателя, но факт и сущность этого сотрудничества, за которое Горький несет полную ответственность, от этого не меняется ни малейшим образом. Для подтверждения позволю себе привести только одно место, которое, наверное, у всех, кто читал эту переписку, осталось в памяти. Горький (в письме 1931 г.) решился прийти на помощь Булгакову и подготавливает свою просьбу Сталину словами: «Врага надобно или

⁷ Муромский В. П. Все дальше от канона. С. 251.

⁸ «Жму вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / публ. Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 167–192.

⁹ Переписка М. Горького и И. В. Сталина (1934–1936). Публикация Т. Дубинской-Джалиловой // ЛО. 1999. № 40. С. 251–296.

¹⁰ Дубинская-Джалилова Т. Великий гуманист (по материалам переписки М. Горького и И. В. Сталина) // ЛО. 1999. № 40. С. 223–250.

¹¹ Там же. С. 243.

уничтожить, или перевоспитать. В данном случае я за то, чтоб перевоспитать»¹². Слова «в данном случае» подчеркнуты Горьким.

В связи с высказываниями такого рода часто говорится о «трагедии» Горького, но здесь очень трудно считать использование этого термина уместным. Можно скорее согласиться с замечанием Мишель Нике: «Горький заслужил то чистилище, которое он сейчас испытывает»¹³. Говорить в таких случаях о неизбежной дани времени, значит, по существу, унижить писателя. Горький всегда настаивал на личной ответственности человека за свою судьбу. Напомню Коновалова, фигуру, ему очень близкую. Коновалов с негодованием отвергает теорию детерминизма, которую молодой друг ему предлагает как экскуляцию: ты не виноват, ты «печальная жертва условий». Коновалов настаивает на том, что «во мне самом что-то неладно» (III, с. 23–24), он защищает свою вину как часть своего человеческого достоинства. Необходимо констатировать в этом деле непростительное, страшное по своим размерам заблуждение и вместе с тем предательство писателя по отношению к собственным идеалам. Такая констатация тем не менее не равнозначна исключению Горького из канона русской литературы. Личность и творчество писателя не сводятся к этой черной главе его биографии. Аналогичным случаем можно считать судьбу Кнута Гамсуна, писателя, во многом близкого Горькому. Гамсун был после войны заклеен за свое временное преклонение перед Гитлером и наказан общественным презрением. Тем не менее пятидесятилетие со дня его смерти в феврале этого года было отмечено, если можно так сказать, как «нормальный» юбилей.

И в другом из названных комплексов, касающемся воспоминания русских эмигрантов, нельзя не заметить влияния политических пристрастий. Несмотря на большой интерес и научную добросовестность в обращении с этим материалом в горьковедении наблюдается известная сдержанность в передаче той его части, которая содержит резко отрицательные характеристики писателя. Иммендерффер в связи с этим критически отмечает склонность многих горьковедов реагировать на отрицательные суждения о Горьком с недоумением или даже чувством обиды¹⁴. Такой упрек, может быть, преувеличен, но переосмысление канона в этой области не проходит без трудностей. Так, при передаче осудительных высказываний о «вечном полуинтеллигенте» (Бунин) или о «рабе и льстеце» (Ходасевич) часто уже в способе отрывочного цитирования выражается нежелание исследователей всерьез заниматься таким материалом. Но ограничиться демонстрацией и без того очевидной предвзятости таких суждений, значит пренебречь научной ценностью этого материала для расширения нашего знания о Горьком и его окружении. Когда, например, Бунин описывает физиономию и поведение молодого Горького в терминах своего рода социального расизма («небольшой лоб, низко заросший волосами», «воровская щеголеватость»¹⁵ и т.п.), то это говорит не только о ненависти автора «Окаянных дней» к Горькому, но и о самопрезентации самого Горького, о демонстративном «плебействе» писателя в кругах буржуазной и аристократической интеллигенции, где он появлялся как гость из «народа». И эта тема имеет немаловажное значение для всей судьбы писателя. Но и помимо такой научной мотивировки исследователь Горького должен примириться с тем, что даже большим современникам можно было относиться к Горькому с открытым недоброжелательством и что они имели для этого свои причины. Книги Мережковского, Набокова, Бунина и Ходасевича сегодня на равных правах стоят рядом с сочинениями Горького на полках библиотек. В западных странах оппоненты Горького давно пользуются более высоким авторитетом, чем автор «Матери» и даже «Детства». Приходится объяснять молодым читателям, интересующимся Горьким, почему у него враги такого формата. Включить этот материал в научный

¹² «Жму вашу руку, дорогой товарищ». С. 188–189.

¹³ Niqueux M. Le renouvellement des études sur Gor'kij. С. 553.

¹⁴ Imendörffer H. Eine Dekanonisierung. С. 77.

¹⁵ Бунин И. А. Горький // Максим Горький: pro et contra. СПб., 1997. С. 113–114.

обиход, значит попытаться хоть на миг посмотреть на мир «с другого берега», глазами эмиграции.

За этим обзором актуальной ситуации позволю себе предложить некоторые размышления о желательных перспективах в дальнейшем развитии науки о Горьком. Первое из них касается преодоления излишней политизированности исследовательской работы.

2. Проблема деполитизации трактовок Горького

В горьковедческих работах последних лет авторы не раз жаловались на чрезмерную политизированность своего предмета, которая будто бы в образе неотвязчивого спутника сопровождает путь писателя от начала до конца. Открытая или тайная политичность в дискуссии о Горьком осталась вопреки ныне господствующим тенденциям в гуманитарных науках до сих пор чем-то обязательным и непреодолимым. В горьковедении взаимообуславливаются и усиливают друг друга политичность объекта и политичность метода, т.е. системы полной политической инструментализации гуманитарных наук, созданной — не без активного участия самого Горького — в советский период. Сознательное или неосознанное продолжение этой традиции высказывается прежде всего в доминирующем значении аргументативных моделей обвинения и оправдания. Известно, что это были самые привычные модели советской литературной критики, которые применялись не только по отношению к Горькому, а ко всем писателям. Жолковский в указанной статье отмечает решающее значение такой критики в судьбе обсуждаемых авторов. Каждой из предложенных им реинтерпретаций предшествует краткий перечень традиционных интерпретаций или «принятых трактовок». Среди них у каждого автора стереотипно появляется одна «обвинительная» и другая противоположная «оправдательная» трактовка, которые дают разные ответы на вопросы типа: он с нами или против нас? верит честно или только притворяется? и т.п.

Тем не менее автор статьи убедительно показывает, что он сам как критик не участвует в этой игре, т.е. что он в обсуждаемых политических делах заинтересован не политически, т.е. не с политическим пристрастием, а как исследователь и наблюдатель. Когда он ставит будто бы те же самые вопросы как советская критика, т.е. был ли данный автор искренним сторонником советского строя или попутчиком или тайным диссидентом и т.д., то ответы его интересуют не как факты политической биографии автора, а как факты его личности и его поведения, т.е. того, что можно определить при помощи вопросов: что с ним случилось? почему он повел себя так и не иначе? Тем не менее Жолковский, очевидно, предвидит опасность недоразумений вследствие все еще действующей силы традиционной аргументации: читатель может предлагаемую концепцию прочитать в привычном ключе обвинения или «развенчания». Можно пожелать, чтобы исследователи в будущем не были вынуждены прибегать к таким декларациям и оговоркам. Литература — часть культуры и вследствие того в нее неизбежно входит и элемент политики, а политика, по словам Горького в речи 1918 г. перед обществом «Культура и свобода», «кто бы ее ни делал, всегда отвратительна, ибо ей неизбежно сопутствуют ложь, клевета и насилие»¹⁶.

3. Искания «единого» или «целостного» Горького

Жолковский в указанной статье определяет цель своей работы как «установку на выявление глубинного единства обычно противопоставляемых друг другу аспектов <...> творчества» (с. 59) или «единого осмысления <...> поэтической и человеческой личности» (с. 65) каждого из исследуемых им классиков-нонконформистов. Изменившаяся историческая ситуация и необходимость переосмысления канона, по мнению автора, открывают критикам литературы новые горизонты, дают им возможность ввести новые идеи в научный обиход, заменить множество разнородных и разноречивых интерпретаций единой, целостной концепцией, в которой раз и навсегда растворяются все неясности и

¹⁶ Горький М. Речь на Московском публичном собрании общества «Культура и свобода» // Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 259.

противоречия. Разумеется, что шансы на осуществление и общее признание таких претензий, несмотря на оригинальность идей автора, не велики. С другой стороны, нужно признаться в том, что сама идея «единой» концепции не лишена смысла и в процессе работы над литературным материалом даже в известной мере необходима. Неслучайно она не раз встречается и на страницах горьковедческих работ последних лет, хотя бы только как «ощущение целого»¹⁷ в многогранной личности писателя. По наблюдению автора статьи «Все дальше от канона», в новейших работах высказывается даже своеобразная «тоска» по «цельному» Горькому¹⁸. Появление такого желания вызвано тем, что «Горький сегодня раздроблен на множество “ликов”, но не видно “целого” Горького». Все попытки противопоставить этому «хаосу» посредством обобщений какой-нибудь порядок оказываются каким-то образом тщетными и неубедительными. Кажется, что сам материал, личность Горького во всей ее сложности, сопротивляется таким попыткам унификации. Напрашивается стереотип «двойственности» Горького, который сопровождает его путь так же упорно и неотвязчиво, как политичность. Имендерффер в связи с этим замечает, что в горьковедческих работах говорится слишком много о «противоречиях» и «трагедии» Горького¹⁹. Эти понятия, по ее мнению, не содержат «ничего нового» и свидетельствуют только о том, что авторы еще не привыкли к обращению с многослойным материалом. Упрек этот, может быть, не лишен основания, но он в той или иной мере относится ко всем участникам этой дискуссии, включая автора этой статьи. Противоречия Горького стали общим местом и встречаются нередко как пустые слова, но одновременно они стали неотъемлемой частью истории восприятия писателя. Источники этой модели интерпретации восходят к самым первым критическим отзывам начала века о Горьком и к первым научным концепциям двадцатых годов. О «двух душах» Горького писали Чуковский, Шкловский, Замятин и многие другие, но никто не писал о двух душах Ахматовой, Пастернака или Зощенко, несмотря на то, что в личностях этих писателей, как показал Жолковский, наблюдалось немало «противоречий» в смысле противоборствующих тенденций и невыясненных отношений к окружающему их миру. Исключительность случая Горького состоит в том, что критики и исследователи в процессе работы часто заходили в тупик, т.е. сталкивались с противоречиями в буквальном смысле, в частности, резко противопоставленными, взаимоисключающими высказываниями, поступками или художественными приемами. Возникают сомнения в идентичности субъекта как одного и того же производителя данных акций. Типичными, и не только риторическими, реакциями являются такие высказывания: трудно поверить, что это один и тот же человек... и т.д.

Итак, модель противоречий неизбежна, но ее смысл остается все-таки темным. В качестве конкретизации модели «двух душ» между прочими предлагаются: разрыв между живописцем и резонером (К. Чуковский), между чувством и разумом (Е. Замятин), «нормативным» и «нутряным» (В. Келдыш²⁰). Сам Горький в рассказе «Сторож» пространно разработал тему «двух миров» в русской культуре, «внутренней разобщенности» «творческих сил жизни», с одной стороны, и «обескрыленной птицы разума», с другой (XVI, с. 156). В Муромский справедливо замечает, что идеи или понятия такого рода «легко противопоставить друг другу, но совместить реально пока не удастся»²¹. Не исключено, что смысл скрыт в самой модели «противоречивости», что можно ее понять как демонстративный отказ покориться «разумным» решениям. О герое «Жизни Клима Сангина» автор сообщает, что он «привык и даже как бы считал себя обязанным искать противоречия, это было уже потребностью его разнузданной мысли»

¹⁷ Баранов В. С. Трагедия М. Горького в интерпретации современных критиков // М. Горький и его эпоха. М., 1995. С. 30.

¹⁸ Муромский В. П. Все дальше от канона. С. 256.

¹⁹ Imendörffer H. Eine Dekanonisierung. С. 84.

²⁰ Келдыш В. А. О ценностных ориентирах в творчестве М. Горького // М. Горький и его эпоха. С. 8–15.

²¹ Муромский В. П. Все дальше от канона. С. 256.

(XXIII, с. 128). Такая трактовка — противоречивость как сознательно применяемый «сигнал» антирационализма — может показаться убедительнее, чем абстрактные обобщения, объясняющие противоречивость как отражение «катастрофического века» или «краха прометейской философии».

О «целостной концепции» творчества пока можно только спекулировать. По всей вероятности, этот будущий Горький от нынешнего будет отличаться прежде всего чертами ненормативности, еретичности и «странности», которые пока мало замечены. Этот «странный Горький» будет включать в себя не только многочисленных озорников, чудаков, людей «пестрой души» и людей «наедине сами с собою», но и мрачную фантастику рассказов двадцатых годов (например «О вреде философии») и в обязательном порядке не менее мрачный мир «Жизни Клима Самгина», в котором еще многое ждет своего раскрытия.

Трудно предсказать, в какой мере такие черты странности и мрачности могут привлечь интерес новых читателей. С большей уверенностью можно указать на новый интерес к Горькому уже сейчас в международном литературоведении, который выражается в немногочисленных, но содержательных работах. На оригинальность идей М. Агурского, касающихся «еретичности» мышления писателя и «эзотеричности» его «театра масок», в горьковедческой литературе не раз было указано. Продолжение этой линии можно увидеть в работах американской исследовательницы Айрин Мазинг-Делик. В монографии, посвященной идее «ликвидации бога»²² в русской литературе двадцатого века, автор дает новую трактовку темы горьковского романа «Исповедь». В статье «Упоение на краю бездны» (1997)²³, она развивает идею некой *imitatio vitae* Горького по отношению к Пушкину, т.е. влияния пушкинской легенды на осмысление Горьким своей жизни и творчества, главным образом на материале воспоминаний И. Шкапы. Новые аспекты в образе Горького раскрывают и работы А. Эткинда, в частности, его статья об интертекстуальных отношениях между фигурой Безбедова в романе «Жизнь Клима Самгина» и повестью А. Белого «Серебряный голубь»²⁴ и глава в его монографии «Хлыст»²⁵, где автор выдвигает гипотезу, что подлинным героем прощального романа Горького является не «слабый интеллигент», а «хлыстовская богородица» Марина Зотова. А. Эткинд является и автором программной статьи о «новом историзме»²⁶, актуальном направлении в международном литературоведении. Эта встреча в одном лице интересов к Горькому и к новым течениям в литературоведении, направленным на изучение истории культуры через границы чисто филологических проблем, можно принять за обнадёживающий знак. В личности и творчестве Горького открывается широкое и плодотворное поле исследовательской работы. В результате этой работы Горький будет все дальше удаляться от канонического образа советского периода и обогащаться новыми чертами. Этот Горький должен быть не обязательно «новым» и не обязательно «вечным» Горьким, а главным образом современным писателем, который будет возбуждать интерес новых, молодых читателей.

²² *Masing-Delic I.* Abolishing death. A Salvation Myth of Russian Twentieth-Century Literature, Stanford, California, 1992.

²³ *Masing-Delic I.* Full of mirth on the edge of the abyss: Pushkin in Gor'kij's life creation. *Die Welt der Slaven*. XLII. 1997. P. 111-136.

²⁴ *Эткинд А.* Горький и Безбедов: подтекст «Серебряного голубя» в «Климе Самгине» // *НЛО*. 1997. № 24. С. 30-52.

²⁵ *Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998.

²⁶ *Эткинд А.* Новый историзм, русская версия // *НЛО*. 2001. № 47. С. 7-40.